

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3085](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3085)

Ю. М. Кузнецова, А. А. Максименко, М. А. Станкевич, И. В. Смирнов

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА О КОРРУПЦИИ
В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ В «ВКОНТАКТЕ»**

Правильная ссылка на статью:

Кузнецова Ю. М., Максименко А. А., Станкевич М. А., Смирнов И. В. Психолингвистический анализ непрофессионального дискурса о коррупции в социальной сети в «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 231—250. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3085>.

For citation:

Kuznetsova Y. M., Maksimenko A. A., Stankevich M. A., Smirnov I. V. (2026) Psycholinguistic Analysis of Non-Professional Discourse on Corruption in the Social Network VKontakte. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 231–250. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3085>. (In Russ.)

Получено: 11.08.2025. Принято к публикации: 06.11.2025.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА О КОРРУПЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ В «ВКОНТАКТЕ»

КУЗНЕЦОВА Юлия Михайловна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук (ФИЦ ИУ РАН), Москва, Россия

E-MAIL: kuzjum@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9380-4478>

МАКСИМЕНКО Александр Александрович — доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, главный научный сотрудник проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: Maximenko.AI@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>

СТАНКЕВИЧ Максим Алексеевич — младший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук (ФИЦ ИУ РАН), Москва, Россия

E-MAIL: stankevich@isa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0705-5832>

СМИРНОВ Иван Валентинович — доктор технических наук, доцент, заведующий отделом «Интеллектуальный анализ информации», Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук (ФИЦ ИУ РАН), Москва, Россия

E-MAIL: ivs@isa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4490-2017>

Аннотация. Статья посвящена анализу непрофессионального онлайн-дискурса о коррупции, представленного в социальной сети «ВКонтакте». В отличие от институцио-

PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS OF NON-PROFESSIONAL DISCOURSE ON CORRUPTION IN THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE

Yulia M. KUZNETSOVA¹ — Cand. Sci. (Psych.), Senior Researcher

E-MAIL: kuzjum@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9380-4478>

Aleksandr A. MAKSIMENKO² — Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Psych.), Chief Researcher at the Lab of Anti-Corruption Policy

E-MAIL: Maximenko.AI@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>

Maksim A. STANKEVICH¹ — Junior Researcher

E-MAIL: stankevich@isa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0705-5832>

Ivan V. SMIRNOV¹ — Dr. Sci. (Tech.), Head of Department “Intelligent Processing of Information”

E-MAIL: ivs@isa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4490-2017>

¹ Federal Research Center Computer Science and Control of Russian Academy of Sciences (FRC CSC RAS), Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The study focuses on the analysis of non-professional online discourse related to corruption. Unlike the institutional or expert approach, the focus on everyday, user-generated

нального или экспертного подхода, фокус на обыденной, пользовательской рефлексии позволяет уловить глубинные ценностные установки, формы выражения и языковые паттерны повседневной морали, что особенно актуально в условиях роста значимости социальных сетей как источника информации и формирования общественных настроений. Целью исследования было определить психолингвистические характеристики непрофессионального дискурса о коррупции, включая степень вовлеченности участников, соотношение эмоциональных и рациональных компонентов, оценочные тенденции и тематическую направленность. Эмпирическую базу составили 59 297 комментариев пользователей, распределенных по трем подкорпусам: коррупционному (19 804 комментария), медицинскому (19 493 комментария) и фоновому, нейтральному (20 000 комментариев). Тексты обрабатывались с использованием инструмента интеллектуального анализа TITANIS, обеспечивающего многоуровневое выявление лингвистических и семантических маркеров, таких как эмоциональная окрашенность, категоричность, стилистическая направленность и частотность тематических единиц. Для оценки значимости различий применялись U-тест Манна — Уитни для данных, приближенных к нормальному распределению, и критерий хи-квадрат для ненормально распределенных. В случае с ненормально распределенными маркерами, что справедливо для редких словарных маркеров, данные бинаризовались (0 — отсутствие, 1 — наличие). Для предотвращения ошибки первого рода при множественных сравнениях использовалась поправка Бонферрони. Результаты показали, что непрофессиональный дискурс о коррупции отличается высокой эмоциональной напряженностью, доминированием негативной тональности и политической фокусировкой при слабом внимании к экономиче-

reflection allows for capturing the deep values, forms of expression and linguistic patterns of everyday morality, which is especially important in the context of the growing importance of social networks as a source of information and the formation of public sentiment. The objective is to identify the psycholinguistic features of non-professional discourse on corruption in the social network VKontakte, the psycholinguistic aspects of non-professional discourse on corruption: the degree of involvement of participants, emotional and rational components, evaluative characteristics, and thematic focus. The study used methods of text mining based on multi-level natural language processing using the TITANIS tool, with an emphasis on identifying linguistic and semantic markers reflecting the features of non-professional online discourse, such as emotional coloring, categoricity, stylistic orientation, and the presence of thematic vocabulary units. A total of 59,297 comments from the VKontakte social network were collected and prepared for analysis, distributed into three thematic subcorps: corruption topics (19,804 comments), medical topics (19,493 comments), and background, neutral topics (20,000 comments). The TITANIS tool was used to calculate text markers based on intelligent processing of user comments from social media, followed by a statistical comparison between the cases. To assess the significance of the differences, the Mann-Whitney U-test was used for normally distributed data and the chi-square criterion for abnormally distributed data. In the case of markers with an abnormal distribution, such as rare dictionary markers, the data were binarised (0 — absence, 1 — presence). The Bonferroni correction was used to prevent the first kind of error in multiple comparisons. As a result, high emotional tension, predominance of negative tone and focus on political aspects, such as the activities of authorities and law enforcement agencies, with low representation of economic topics were revealed

ской тематике. Дискуссии характеризуются снижением рациональности и низкой коммуникативной вовлеченностью, с частым использованием клишированных выражений и радикальных предложений. Показано, что непрофессиональный дискурс о коррупции демонстрирует устойчивые психолингвистические особенности, указывающие на моральные и эмоциональные позиции авторов. Высказываниям участников дискуссий о коррупции свойственны ярко выраженные осуждение, групповая солидарность и противоречивые моральные установки, в которых гнев и пессимизм сочетаются с радикальными призывами к справедливости. Однако низкая коммуникативная вовлеченность и избегание личного опыта указывают на то, что эта мораль служит скорее инструментом публичной критики и социальной идентификации, чем основой для глубокого морального анализа или диалога.

Ключевые слова: отношение к коррупции, непрофессиональный дискурс о коррупции, социальные сети, обработка естественного языка, психолингвистические показатели текста

in the online non-professional discourse on corruption. Discussions are characterized by decreased rationality and low communicative engagement, with frequent use of cliched expressions and radical sentences. It is shown that the unprofessional discourse on corruption demonstrates stable psycholinguistic features, indicating the moral and emotional positions of the authors. The digital morality of participants in discussions about corruption is characterized by pronounced condemnation and contradictory moral attitudes, where anger and pessimism are combined with radical calls for justice. However, low communicative involvement and avoidance of personal experience indicate that this morality serves more as a tool for public criticism and social identification than as a basis for deep moral analysis or dialogue.

Keywords: attitudes towards corruption, non-professional discourse on corruption, social media, natural language processing, psycholinguistic indicators of the text

Введение

Явление коррупции вызывает в обществе не только правовую или политическую реакцию, но и сильный эмоциональный отклик, проявляющийся в повседневной речи [Скоробогатов, Скоробогатова, Краснов, 2021] и сетевых обсуждениях. Наряду с официальными дискуссиями, разворачивающимися в экспертной [Трыканова, 2022], правовой и политической сферах [Баранов, Кабанов, 2017], все большую роль в формировании общественных представлений о коррупции играют цифровые коммуникации [Максименко и др., 2024], в частности социальные сети. Последние становятся пространством массовой, непрофессиональной рефлексии, где пользователи открыто высказывают свои мнения, оценки, эмоции и установки [Максименко, Крылова, 2023].

Сетевой дискурс позволяет исследовать не только содержание высказываний, но и более глубокие слои социальной жизни: моральные ориентиры, языковые паттерны повседневного мышления, формы социальной идентичности. Такой подход особенно актуален в условиях, когда граница между публичной и частной речью размывается, а любая реплика в интернете становится элементом общественного

диалога [Зотов, Губанов, 2021]. Анализ непрофессионального пользовательского дискурса способен выявить устойчивые когнитивные и эмоциональные шаблоны, связанные с восприятием и оценкой коррупционного поведения, что имеет важное значение для понимания ценностной картины современного общества.

Дискурс-анализ предоставляет ключевые инструменты для изучения того, как формируются, распространяются и воспринимаются представления о коррупции в цифровом пространстве. Так, Т. А. ван Дейк [Van Dijk, 2011] подчеркивает значимость многослойного анализа дискурса, позволяющего выявлять когнитивные схемы, скрытые идеологические послылы и языковые стратегии, которые присутствуют в повседневной коммуникации. Применительно к непрофессиональному дискурсу о коррупции это дает возможность исследовать, каким образом эмоциональные и оценочные компоненты комментариев в социальных сетях структурируют общественное восприятие явления.

Критический дискурс-анализ, развитый Н. Фэркло [Fairclough, 2018], акцентирует внимание на связях между языком, властью, идеологией и социальными практиками. В контексте цифровых медиа и сетевых обсуждений коррупции подход Н. Фэркло помогает осознать, как повседневные интернет-выражения отражают и воспроизводят социальные и политические нормы, а также каким образом медийные нарративы транслируются в массовое сознание. М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс [Йоргенсен, Филлипс, 2008] предлагают систематизированный подход к анализу текстов, уделяющий внимание как содержательным аспектам, так и формальным характеристикам дискурса, включая языковые паттерны, жанровые структуры и прагматические функции высказываний.

Опираясь на концепцию М. Фуко и работы его последователей (например, [Jäger, Maier, 2009]), цифровой дискурс о коррупции можно анализировать как пространство, где власть и знание проявляются не только через официальные тексты, но и через непрофессиональные высказывания пользователей.

Кроме того, исследования российских авторов [Чудова, 2010; Прокофьева, 2017; Современный дискурс-анализ..., 2016] показывают, что медиа- и интернет-дискурсы формируют нормативные ожидания и стандарты поведения в обществе, включая академическую среду. Психолингвистический анализ позволяет выявлять устойчивые когнитивные и эмоциональные паттерны, которые проявляются в непрофессиональных комментариях и таким образом обеспечивает понимание того, как медиаобраз коррупции проникает в повседневные практики и поддерживает их легитимизацию.

В русле сложившейся традиции междисциплинарных исследований [Баранов, Казакевич, 1991; Гостева, 2012; Кронгауз, 2019; Шейгал, 2004] политический дискурс в широком смысле может пониматься как множество устных и письменных текстов, содержание которых относится к сфере политики. Для эпохи цифровых массмедиа характерна тенденция превращать сетевой дискурс в основной канал осуществления политической коммуникации, что отмечается исследователями [Шейгал, 2004], а также формировать дискурсивные практики, объединяемые социально-политической тематикой, но различающиеся по ряду существенных признаков.

В частности, представленность тематики коррупции в пространстве общественного дискурса может быть описана через ряд противопоставлений. На пер-

вом уровне исследователи выделяют оппозицию дискурса коррупции и дискурса о коррупции. Первый из них, то есть дискурс коррупции, представляет собой текстовое отражение коррупционных практик, изучаемых в категориях речевого жанра [Макаров, 2023], семантики и прагматики коррупционного речевого поведения [Каримова, 2024] и т. д. Дискурс о коррупции составляет совокупность текстов, выражающих рефлексию со стороны общества и его институтов по отношению к коррупции как явлению, второе деление подразумевает противопоставление профессионального и непрофессионального дискурса о коррупции. К профессиональной его части относятся тексты, выражающие специальные юридические, экономические, политические, социологические, психологические знания о коррупции [Воронин, Моисеенко, Викулина, 2020; Скоробогатов, Скоробогатова, Краснов, 2021]. В рамках лингвистических исследований изучаются структура и языковые репрезентации концепта «коррупция» [Барабаш, 2017], а также особенности институционального медийного дискурса о коррупции как разновидности профессионального публицистического дискурса [Гуань, 2023]. В отличие от профессионального, непрофессиональный дискурс о коррупции пока не получил каких-либо четких дефиниций, хотя исследования, предмет которых определяется, например, как «отношение российской аудитории социальных сетей к коррупции», уже проводятся [Максименко, Крылова, 2023]. По аналогии с категориями, предложенными И. В. Савельевой для анализа непрофессионального политического дискурса в целом [Савельева, 2022], непрофессиональный дискурс о коррупции можно описать содержательно как дискурс реагирования рядовыми гражданами на события в сфере коррупционных правонарушений и антикоррупционных мероприятий в их медийной репрезентации; по форме он представляет собой пространство непрофессиональных интернет-комментариев, характеризующихся неинституциональной природой, гибридизацией политической, повседневной, медийной и виртуальной дискурсивных сфер с преобладанием эмоционально-оценочных высказываний. Ориентация на социальные сети как сферу существования непрофессионального дискурса о коррупции и, следовательно, источник информации о нем, основана на современных реалиях: не менее 80 % сообщений, посвященных теме коррупции и доступных для рядового гражданина, публикуется именно в цифровых медиа [Людкевич, Афаунов, Татлок, 2020].

СМИ существенно влияют на общественное восприятие коррупции, однако количество публикаций на эту тему не всегда отражает ее реальный уровень [Крылова, Максименко, 2021]. Массовое освещение может быть связано с активизацией антикоррупционной деятельности властей, гражданского общества или журналистов, а не с ростом числа самих нарушений. Кроме того, субъективность, недостоверность или низкая квалификация авторов материалов могут искажать картину, формируя у обывателя преувеличенное или неверное представление о масштабах проблемы. Интернет-медиа, используя определенные формулировки, эмоциональные акценты и структуру подачи, не только информируют, но и формируют общественную реакцию [Артемова, Максименко, Охрименко, 2022] — от тревожности до доверия к действиям власти. Таким образом, медиаполе выступает как мощный инструмент воздействия на массовое сознание в вопросах коррупции.

Медиадискурс о коррупции, распространяясь через повторяющиеся сюжеты, лексические штампы и устойчивые образы, постепенно становится частью повседневного общения, встраиваясь в неформальные коммуникации различных социальных групп [Леонтьева, 2009]. Как показывают исследования вузовской микросреды, подобные процессы находят отражение и в академическом контексте: внутри университетской среды коррупция начинает восприниматься не как исключение, а как обыденное явление, обсуждаемое с использованием узнаваемых формул, отсылающих к медийным нарративам. Через призму неформального пространства, где связи между группами структурируются по мотивационно-целевым установкам и характеру взаимодействия, видно, как медиаобраз коррупции проникает в повседневные практики, нормализуется и адаптируется к локальным реалиям.

В этом контексте возникает ключевой исследовательский вопрос: каковы текстовые особенности сетевой непрофессиональной коммуникации о коррупции, включая эмоциональную тональность, характер аргументации и тематику обсуждений, и как эти особенности отражают восприятие коррупции через призму власти, справедливости и моральных оценок участников дискуссий?

Исходя из результатов проведенного обзора научной литературы, а также предварительного анализа эмпирических данных, были сформулированы следующие рабочие гипотезы исследования:

Гипотеза 1: сетевой непрофессиональный дискурс о коррупции характеризуется высокой эмоциональной напряженностью и преимущественно негативной тональностью, отличающей его от обсуждений других социально значимых тем, таких как медицина.

Гипотеза 2: в сетевых непрофессиональных дискуссиях о коррупции экспрессивные, оценочные высказывания преобладают над рационально-аргументированными.

Гипотеза 3: в сетевых непрофессиональных дискуссиях коррупция обсуждается преимущественно в политико-управленческом контексте, тогда как экономические аспекты остаются на периферии внимания пользователей, что отражает восприятие явления через призму власти и справедливости.

Гипотеза 4: специфику непрофессионального морального суждения в цифровой среде отражает противоречивость оценочных и моральных позиций участников дискуссий (сочетание осуждения, пессимизма и радикальных призывов к справедливости).

Материалы и методы

В цели нашего исследования входило выявление психолингвистических характеристик непрофессионального сетевого дискурса о коррупции как формы массовой общественной рефлексии, проявляющейся в социальной сети «ВКонтакте». В рамках исследования анализируются эмоционально-оценочные, когнитивные и тематические особенности пользовательских комментариев, отражающие специфику восприятия и интерпретации коррупции в повседневном сетевом общении. С целью разделения характеристик обсуждений коррупции, свойственных сетевому дискурсу на вызывающие напряженность темы в целом и специфиче-

ских именно для коррупционной тематики, было сформировано три группы сетевых дискуссий, или три подкорпуса текстов: 1) дискуссии на темы коррупции; 2) дискуссии на темы здоровья и медицинского обслуживания; 3) фоновые дискуссии без определенной тематики. Первый и второй подкорпуса рассматриваются как отражающие мнения и представления коммуникантов относительно тем с высоким потенциалом эмоциональной напряженности; общие характеристики, отличающие их от фоновых текстов, можно интерпретировать как проявления напряженности в сетевом дискурсе, не зависящие от ее конкретного предмета. Сравнение же «коррупционного» и «медицинского» подкорпусов позволяет описать специфику, связанную с конкретной причиной эмоциональной напряженности.

Выбор медицинской тематики в качестве контрастного направления обусловлен несколькими факторами. Во-первых, обсуждения вопросов здоровья и медицины, особенно в постпандемийный период, характеризуются высокой социальной значимостью и выраженной эмоциогенностью, сопоставимой с реакциями на коррупционные события. Это позволяет использовать медицинский дискурс как *контрольную группу для тем с аналогичным уровнем общественного напряжения*, но с иным предметным содержанием. Во-вторых, медицинская тематика изначально не несет в себе политической составляющей, что дает возможность *отделить собственно эмоциональные и когнитивные характеристики дискурса от политического фактора*, доминирующего в обсуждениях коррупции. Таким образом, сопоставление этих двух направлений обеспечивает более точное выделение специфических признаков именно коррупционного дискурса, а не общих особенностей эмоционально нагруженных сетевых обсуждений.

Сбор данных коррупционной тематики осуществлялся при участии студентов-волонтеров, рекрутированных через сервис НИУ ВШЭ «Ярмарка проектов». В рамках проекта волонтеры, получавшие академические кредиты за участие, размечали датасет и собирали материалы для анализа. Работа заключалась в поиске и фиксации ссылок на посты в социальной сети «ВКонтакте», посвященные теме коррупции, опубликованные в период с 2020 по 2024 г. В процессе сбора также учитывались количественные параметры реакции аудитории: число комментариев, репостов и отметок «нравится». Все собранные данные структурировались в таблицу для последующей выгрузки и психолингвистического анализа¹.

Сбор фоновых дискуссий и дискуссий на тему здоровья и медицинского обслуживания производился на основе данных городских новостных сообществ, представленных в социальной сети «ВКонтакте», отбирались материалы за период с 2019 по 2023 г. Для выгрузки были выбраны пять самых крупных новостных сообществ по количеству подписчиков в рамках одного города в Нижегородской области с населением около 100 тыс. человек. Изначально все собранные дискуссии попали в группу фоновых дискуссий, а затем из этой группы выделялись дискуссии на тему здоровья и медицины. Для этого использовался специализированный словарь лексики медицины и здравоохранения, на основе которого для каждой дискуссии был рассчитан показатель интенсивности медицинской тематики, основывающийся на частоте употребления лексики из словаря в тексте по-

¹ Наборы данных доступны по адресу: https://huggingface.co/datasets/anonymous-author/paper_data. Предоставляемые данные полностью деперсонализированные и не содержат ссылки на конкретные аккаунты.

ста и комментариях к нему. Дискуссии со значением рассчитанного показателя выше 80 квантиля определялись как дискуссии на тему здоровья и медицинского обслуживания. При этом значение квантиля подбиралось таким образом, чтобы размер медицинской выборки был сопоставим с размером выборки дискуссий на тему коррупции. Из дискуссий, не вошедших в медицинскую группу, была составлена случайная подвыборка, также в соответствии с размером выборки дискуссий на тему коррупции.

Технически выгрузка комментариев из дискуссий осуществлялась в апреле 2025 г. при помощи официального API «ВКонтакте». Всего было собрано 19 804 комментария из дискуссий на тему коррупции, 19 493 комментария из дискуссий на медицинскую тематику и 20 000 комментариев из дискуссий без определенной тематики. Дополнительная информация о собранных данных представлена в таблице 1. Отметим, что среди комментаторов могли оказаться боты, однако это обстоятельство не учитывалось при обработке данных.

Таблица 1. **Статистика по собранным данным**

Параметр	Дискуссии на тематику коррупции	Дискуссии на тематику медицины	Дискуссии на другие темы
Количество комментариев	19 804	19 493	20 000
Медиана количества слов в комментариях	8	14	7
Медиана возраста авторов комментариев*	46	42	40
Пол авторов комментариев*	61% мужчин 39% женщин	34% мужчин 66% женщин	45% мужчин 55% женщин

* Основано на данных пользователей, которые имели открытый профиль «ВКонтакте» и указывали в нем пол и возраст.

Все текстовые сообщения были обработаны при помощи инструмента TITANIS, который показал свою эффективность при решении многих задач психоэмоционального анализа текстов социальных сетей [Smirnov et al., 2021]. В результате обработки были рассчитаны текстовые маркеры комментариев, которые использовались для сравнения текстов из разных выборок. Подробное описание маркеров представлено в отдельной работе [Смирнов, 2023].

Проверка гипотез, сформулированных во введении, сводится к проверке наличия статистических различий в значениях текстовых маркеров между соответствующими корпусами дискуссий. Показатели сравнивались между корпусами попарно, с использованием U-теста Манна — Уитни в случае приближенных к нормальному распределению выборок и критерия хи-квадрат в случае отсутствия нормального распределения. В последнем случае значения маркеров перед сравнением приводились к бинарному виду: 0, если маркер равен 0, и 1, если маркер

больше 0. В большинстве случаев бинаризировались те словарные маркеры, которые встречаются в отдельных комментариях редко и значения которых зачастую обнулены. Для корректировки результатов статистических тестов вводилась поправка Бонферрони на множественную проверку гипотез, в соответствии с количеством проводимых экспериментов.

Результаты

Текстовые особенности сетевых дискуссий о коррупции свидетельствуют о том, что данная тема относится к категории социально значимых и выступает источником эмоционального напряжения для значительной части населения России. Согласно данным (см. табл. 1 [Приложения](#)), обсуждения коррупции заметно выделяются своей напряженностью не только по сравнению с фоновой, тематически разнородной сетевой коммуникацией, но и по большей части превосходят дискуссии на весьма чувствительные, особенно в период пандемии COVID-19, темы, связанные со здоровьем и медициной. Заметное число высказываний о коррупции содержит слова из тематической группы слов (ТГС) «Аффектогенная лексика», относящиеся к категории усилительной и безысклительной лексики, или сверхобобщения (в примерах выделены полужирным): **«все все** видят, знают и понимают, но **никто ничего** не хочет менять»; «расстрел, и **все сразу** прекратят брать»; «брали **всегда** и во **все** времена»; **«любого**, повторяю, **любого** министра можно брать, и там такой **вагон** будет, что пожизненно — это как бы гуманно будет»; «проходят **бесчисленные** круги **ада**»; **«кругом одни** взяточники!»; «есть **только один** выход! **только так** и **не иначе!**» и т. п. (см. табл. 1 [Приложения](#)).

При этом коррупция как предмет разговора вызывает у коммуникантов меньшую готовность к развернутым и подробным обсуждениям по сравнению с медицинской тематикой, а интерес к установлению открытого субъектного диалога с другими участниками здесь ниже не только по отношению к медицинским, но и к фоновым обсуждениям (см. табл. 2 [Приложения](#)).

Яркой особенностью непрофессионального сетевого дискурса о коррупции является выраженное преобладание негативных оценок (см. табл. 3 [Приложения](#)). По сравнению с ним обсуждения на медицинские темы, в целом не менее эмоционально напряженные, оказываются не такими однозначно отрицательными по своей тональности.

Негативные эмоции в непрофессиональном дискурсе о коррупции сочетаются со снижением показателей рациональности в виде размышления и аргументированного обмена мнениями между участниками сетевых дискуссий (см. табл. 1 [Приложения](#)). В целом коррупция предстает как предмет общего бурного осуждения, направленного на ее акторов, причины, проявления и последствия, что можно проследить, проанализировав частотность встречаемых в обсуждениях коррупции слов, входящих в соответствующие ТГС, и их сочетаний.

Судя по представленности лексики из ТГС «Власти», «Силовые структуры», «Здравоохранение», повышенная частотность которых характеризует непрофессиональный дискурс о коррупции (см. табл. 4 [Приложения](#)), обсуждения сосредоточены вокруг деятельности властей различного уровня («у нас любой чиновник берет взятки»), правоохранительных органов («продажный коп») и армии («что ни полков-

ник, то вор»), а также системы здравоохранения («не лечат, а калечат, еще и деньги клянчат»). Отметим, что в исследуемом материале коррупция в сфере экономики и финансовой деятельности хотя и упоминалась («дали чиновникам власти столько, что без них бизнесу не чихнуть, вот и отстегивают, просто чтобы не цеплялись»), однако статистически реже, чем в обсуждениях на некоррупционные темы. При этом в дискуссиях о коррупции в высказываниях, содержащих понятие «бизнес», оно чаще используется не в своем исходном нейтральном смысле, а с отрицательной коннотацией для обозначения незаконного обогащения: «можно только догадываться о масштабе взяток от криминального бизнеса».

Основной причиной коррупции в анализируемых текстах называется отсутствие контроля со стороны руководства и органов надзора, что, в свою очередь, объясняется коррумпированностью всей системы управления в стране: «Как можно бороться с коррупцией в России, если те, кто борется, сами берут? Это замкнутый круг!». Для выражения данной идеи коммуниканты используют известные речевые клише. Так, пословица «Рыба гниет (варианты: „тухнет“, „портится“) с головы» в анализируемых текстах повторяется разными пользователями около 60 раз. Широко представлено мнение о неизбежности и неизживаемости коррупционных отношений: «Схеме тысячи лет, при всех царях, князьях, и фараонах; есть система и она ломает всех, подминая под себя. Можно быть сколь угодно идеалистом, служить идее, но тебя перемелет и выплюнет». На этом фоне даже антикоррупционные мероприятия расцениваются коммуникантами как одно из проявлений коррумпированности. Чаще всего данное соображение выражается с помощью конструкции «не поделился» (выявлено 170 случаев): «Видать он не поделился с вышестоящими, вот и слили». Не менее пессимистично и объяснение преследования выявленных коррупционеров с использованием обиходной метафоры «стрелочник»: «Нашли стрелочников <...> и будут теперь трубить на каждом углу». «Случайно пострадавшие» уличенные коррупционеры вызывают у коммуникантов ощущение несправедливости: «Думаете они двое, они все берут чего и идут служить в эту кормушку. Не будешь делиться или уволят или подставят» и даже жалости: «Жалко дядьку, можно сказать единственный путный руководитель, хозяйственный пришел в район и оказался стрелочником». С другой стороны, выраженное отрицательное отношение высказывается по отношению к ближайшему окружению коррупционеров, которому коммуниканты отказывают в презумпции неучастия в преступлениях. Например, слово «родственники» в анализируемых текстах встречается 95 раз, и чаще всего в контекстах, подобным этим: «волчий билет детям и родственникам, чтобы тоже не могли работать госслужащими!»; «все его и родственников до 7-го колена имущество в бюджет!».

Как показывают приведенные ниже примеры, среди последствий коррупционных преступлений чаще других упоминаются неэффективность мероприятий хозяйственного, социального и политического характера, а также формирование в обществе негативных установок по отношению к конкретным коррупционерам и к их предполагаемым покровителям; предлагаемые способы борьбы с коррупцией своей радикальностью соответствуют уровню выражаемого неприятия (в связи с этическими нормами исследования сетевого контента все цитаты анонимизированы).

Чинуш через одного можно сажать... если копнуть глубже они там все замазаны, просто перестать воровать и другим не давать, пресекать; вот тогда у нас в Карелии будут и дороги и школы и детсады и мн. другое. жить станет лучше и веселее.

Я о тех, кто у власти, кто выделяет деньги на вооружение, кто отчитывается о поставках в армию новых систем... деньги выделяются, осваиваются... и оседают в чьих то карманах ... а летают на том, что есть, стреляют из того что есть, другого все равно нет.

Ну, кругом ворье... когда же мы научимся честно жить и верить в справедливость? а справедливость в том, что рыба гниет с головы, все получают поборы и никто еще не отказался, я писала каждого 2-го управленца страной поставить к стенке и несколько не ошибетесь, вот тогда задумаются воровать или нет; и всем на все хватит и на зарплаты и на пенсии и на все остальное, прекратить этот беспредел; начинать с верхних эшелонов власти.

Тема наказания за коррупцию представлена широко, но при этом семантических вариантов мало. Преобладает предложение/требование физического устранения коррупционеров: «радикальный способ» в виде расстрела упоминается более чем 260 раз («расстреливать тварей прилюдно»; «расстрелять весь род этот гнилой»), иногда в сочетании с экономическими мерами («пока не будет расстрела, с полной конфискацией у всех близких родственников тоже, ничего не изменится»). По мнению участников обсуждений, эффективность подобного подхода доказывается опытом СССР («да, наказание не как в СССР, когда за недолив компота и обвес можно было расстрел получить»), лично Сталина («при Сталине его бы, наверное, расстреляли за такие дела») или Андропова («чекистам пора уже отстреливать этих полицейских коммерсантов как было при Андропове»), а также современного Китая («надо как в Китае в расход пускать всех взяточников»). Популярны также предложения применять к коррупционерам наказания в виде лишения свободы. Формулировки со словами «сажать»/«посадить» и т. п. встречаются в анализируемых текстах более 160 раз: «таких тварей сажать, и не выпускать»; «пересажать всех надо».

Для оценки величины эффекта различий в средних значениях текстовых маркеров между сравниваемыми выборками были рассчитаны коэффициенты d Коэна и представлены в виде тепловой карты (см. рис. 1 [Приложения](#)).

Обсуждение результатов

Приведенные данные позволяют характеризовать непрофессиональный дискурс о коррупции как отражающий ярко отрицательное и выражаемое с большой экспрессией отношение к коррупционным преступлениям. Эти наблюдения непосредственно связаны с первым предположением о высокой эмоциональной напряженности и преимущественно негативной тональности, что отличает дискуссии о коррупции от обсуждений других социально значимых тем, таких как медицина.

Сравнение с текстовыми показателями обсуждений медицинских тем показало, что негативный эмоциональный радикал не является обязательной характеристикой сетевых обсуждений напряженных тем как таковых, его наличие в дан-

ном случае отражает преобладание высказываемых негативных оценок именно в связи с тематикой коррупции. Эти данные входят в противоречие с результатами, опубликованными в работе [Людкевич и др., 2020], согласно которым только 17 % сообщений о коррупции в социальных сетях имеют отрицательную тональность, а 82 % — нейтральную. Выявленные различия могут отражать как специфику методов, использованных для оценки тональности, так и особенности самого текстового материала. В цитируемой работе анализировались посты, которые могли иметь чисто информационную направленность и, соответственно, быть выдержаны в более спокойном тоне, в то время как наш материал представляет собой комментарии участников дискуссий, что подразумевает большую свободу для авторов как в плане содержания, так и в плане выражения.

Выявленная отрицательная коннотация понятия «бизнес» соответствует устойчивой национально-специфической традиции (ср. [Крюков, 2012]). Преимущественно «неэкономический» статус дискурса о коррупции отмечается также в работе [Гуань, 2023], где показано, что, вопреки своей исходной квалификации как преступления экономического характера, коррупция в общественном сознании россиян воспринимается как политическая проблема.

Этот сдвиг в восприятии имеет принципиальное значение: он отражает не только специфику отечественного символического поля, но и более широкий социокультурный контекст, в котором экономические практики осмысляются через призму властных отношений, доверия и справедливости. В этом смысле коррупция оказывается включенной в политико-ценностный дискурс, где она интерпретируется как проявление системной неравновесности между гражданином и властью, а не как частный случай экономического нарушения. Такой подход позволяет глубже понять, почему антикоррупционная риторика в России часто апеллирует к моральным, а не экономическим категориям, и почему общественная реакция на коррупцию оказывается связана прежде всего с ощущением несправедливости, а не с ущербом государству или экономике.

Расхождение между явным содержанием текстов респондентов, выражающих отрицательное отношение к коррупции как аморальному явлению, и глубинными способами ее категоризации в метафорической картине мира, не подтверждающими наличие морального конфликта, описано А. Н. Барановым [Баранов, 2005]. В нашем исследовании, помимо выявленного несоответствия между эмоциональной экспрессией декларативного отвержения коррупции и степенью реально переживаемой личной значимости этой проблемы, прослеживается также смысловая неоднородность высказываний. Она проявляется, например, в том, что в одном и том же дискурсивном поле сочетаются оправдание так называемых «стрелочников» из числа низовых коррупционеров и одновременно — тенденция априори приписывать виновность всем членам семьи уличенного в коррупции лица. Аналогичная амбивалентность наблюдается и в сочетании представлений о повсеместности и неискоренимости коррупции с требованиями максимально жестких мер наказания. При этом не всегда речь идет о внутренней непоследовательности отдельных комментаторов: скорее, противоречивость характеризует совокупный, «коллективный» образ непрофессионального сетевого дискурса, в котором сосуществуют различные, порой взаимоисключающие стратегии моральной оцен-

ки. В этом смысле противоречивость выступает как структурное свойство данного типа дискурса наряду с высоким уровнем эмоционального напряжения, преобладанием резко отрицательной тональности и сосредоточенностью на коррупции в сферах управления, силовых структур и здравоохранения.

Таким образом, текстовые особенности непрофессионального сетевого дискурса: эмоциональная насыщенность, преобладание оценочных высказываний, фокус на политико-управленческих аспектах и структурная противоречивость, — отражают восприятие коррупции через призму власти, справедливости и моральной оценки.

Заключение

Анализ непрофессионального сетевого дискурса о коррупции выявил ряд ключевых характеристик, которые отражают особенности восприятия и обсуждения этой темы в российском общественном сознании. Полученные результаты подчеркивают высокую социальную значимость коррупции как темы, вызывающей выраженное эмоциональное напряжение, превосходящее даже дискуссии о здоровье в период пандемии COVID-19. Однако это напряжение сочетается с относительно низкой коммуникативной и предметной вовлеченностью, что указывает на специфическую природу обсуждений, где эмоциональная экспрессия преобладает над рациональным анализом или диалогом. Дискурс о коррупции характеризуется абсолютным доминированием негативной тональности, снижением рациональности и фокусом на политических аспектах, таких как деятельность властей, силовых структур и системы здравоохранения, а не на экономических проявлениях коррупции. Предлагаемые участниками меры борьбы с коррупцией носят радикальный характер, часто апеллируя к физическому устранению или тюремному заключению, что также подчеркивает эмоциональную насыщенность дискурса. Противоречивость в восприятии коррупции, выражающаяся в сочетании оправдания отдельных коррупционеров («стрелочников») с обвинениями их родственников или в одновременной вере в неискоренимость коррупции и требованиях жестких наказаний, свидетельствует о сложной и неоднозначной природе общественного отношения к этому явлению.

Для проверки полученных результатов были сформулированы четыре гипотезы, которые в целом нашли подтверждение по итогам анализа. *Первая гипотеза*, согласно которой сетевой непрофессиональный дискурс о коррупции характеризуется высокой эмоциональной напряженностью и преимущественно негативной тональностью, подтвердилась полностью. В комментариях, посвященных коррупции, заметно выше уровень эмоциональной вовлеченности и негативного отношения, чем в обсуждениях медицинских и фоновых тем. *Вторая гипотеза*, предполагавшая преобладание экспрессивных и оценочных высказываний над рационально-аргументированными, также нашла подтверждение. В дискуссиях преобладают эмоциональные реакции и категоричные оценки, тогда как рассуждения, основанные на анализе причин или конструктивных предложениях, встречаются значительно реже. *Третья гипотеза*, предполагавшая, что в сетевых обсуждениях коррупция соотносится преимущественно с политико-управленческой сферой, получила частичное подтверждение. Политические и властные контексты действительно упоминаются чаще других, однако экономические и социальные аспекты

также представлены, хотя и занимают менее заметное место в структуре обсуждения. *Четвертая гипотеза*, связанная с противоречивостью моральных и оценочных позиций участников, нашла подтверждение. В комментариях одновременно присутствуют осуждение коррупции, выражение пессимизма и радикальные призывы к справедливости, что отражает специфику непрофессионального морального суждения в цифровой среде и указывает на преобладание эмоциональной самоидентификации над рефлексивным анализом.

Полученные результаты вносят значительный вклад в научное знание о восприятии коррупции в российском обществе. Во-первых, они дополняют существующие исследования (например, [Людкевич и др., 2020; Гуань, 2023]), подчеркивая различия в тональности и содержании постов и комментариев, что указывает на необходимость учета типа текстового материала при анализе общественного дискурса. Во-вторых, обнаруженная противоречивость в восприятии коррупции — сочетание эмоционального осуждения с низкой вовлеченностью и оправданием отдельных коррупционеров — указывает на наличие психологических барьеров, препятствующих открытому обсуждению личного опыта. Это открывает перспективы для дальнейших исследований, направленных на изучение глубинных убеждений и мотиваций, лежащих в основе публичного осуждения коррупции. Наконец, акцент на политическом, а не экономическом характере коррупции в общественном сознании подтверждает необходимость междисциплинарного подхода, объединяющего лингвистический, социологический и психологический анализ для понимания этого феномена. Таким образом, исследование не только углубляет представление о специфике непрофессионального дискурса о коррупции, но и предоставляет основу для разработки более эффективных стратегий общественного диалога и антикоррупционной политики, учитывающих эмоциональные и коммуникативные особенности восприятия этой проблемы.

Ограничения исследования

Тематика сравнительного анализа в работе была ограничена сопоставлением коррупционного и медицинского дискурсов, что позволило выявить определенные различия в структуре и тональности общественных высказываний, однако выбор именно медицинской сферы в качестве контрастной линии оставляет за пределами анализа другие важные и потенциально релевантные области общественного обсуждения — такие как образование, правосудие, армия или сфера ЖКХ. Эти направления также обладают высокой социальной значимостью и могли бы продемонстрировать иную структуру гражданской рефлексии, дав более объемное представление о специфике непрофессионального публичного дискурса.

Кроме того, исследование сосредоточено исключительно на текстовом анализе, что исключает из рассмотрения визуальные и паралингвистические элементы цифрового общения, играющие важную роль в выражении оценки и эмоционального отношения. Мемы, изображения, эмодзи и другие мультимодальные средства коммуникации зачастую усиливают, модифицируют или даже радикально меняют смысл текстового высказывания. Их игнорирование ограничивает полноту психолингвистического анализа и может приводить к недооценке экспрессивных стратегий, используемых пользователями в социальной сети.

Полученные различия между коррупционным, медицинским и фоновым дискурсами могут быть частично обусловлены демографическими характеристиками выборки, а также временным сдвигом в один год в период сбора данных.

В собранных данных в теории могли оказаться комментарии ботов. Однако в рамках исследования эта проблема не изучалась.

Горизонт перспективных исследований

Одним из перспективных направлений дальнейших исследований может стать сопоставление непрофессионального и профессионального дискурса о коррупции. Такое сравнение позволило бы выявить различия в языковых средствах, структуре аргументации, уровне терминологической строгости, использовании метафор, а также в коммуникативных целях, которым подчиняется высказывание. Если в профессиональном дискурсе (например, в юридических документах, аналитических статьях, СМИ или экспертных комментариях) преобладают нормативность, фактологичность и стремление к объективности, то в непрофессиональной речи пользователей социальных сетей чаще фиксируются эмоционально окрашенные оценки, обобщения, нарративные формы и политическая интерпретация событий. Сравнение этих уровней позволит точнее определить, как формируются общественные представления о коррупции, где происходит разрыв между официальной и гражданской интерпретацией, а также как распространяются и закрепляются определенные фреймы и образы коррупционных практик в массовом сознании.

Дополнительную ценность представляет и кросс-культурное исследование непрофессионального коррупционного дискурса, в котором можно было бы сопоставить репрезентации коррупции в цифровом пространстве различных стран. Например, сравнение российской выборки с данными из стран Латинской Америки, Восточной Европы или Юго-Восточной Азии, где также сохраняется высокая чувствительность общества к коррупционным практикам, позволило бы выявить как универсальные элементы восприятия коррупции (например, недоверие к институтам, моральную дихотомию «честный — вор»), так и культурно-специфические особенности (типичные метафоры, историко-культурные образы, структуру субъективной ответственности). Такой подход позволил бы выйти за рамки локального анализа и углубить понимание того, как социокультурные факторы влияют на язык и структуру антикоррупционного дискурса в цифровой среде.

Список литературы (References)

1. Артемова Е. Л., Максименко А. А., Охрименко Д. А. Применение методов машинного обучения для классификации контента коррупционной тематики в русскоязычных и англоязычных Интернет-СМИ // Социология: методология, методы математическое моделирование. 2022. № 52. С. 131—157. <https://doi.org/10.19181/4m.2021.52.5>
Artemova E. L., Maksimenko A. A., Okhrimenko D. A. (2022) Application of Machine Learning Methods in Classification of Corruption Related Content in Russian-Speaking and English-Speaking Internet Media. *Sociology: Methodology, Meth-*

- ods, *Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. No. 52. P. 131—157. <https://doi.org/10.19181/4m.2021.52.5>. (In Russ.)
2. Барабаш О. В. Концепт «коррупция» и его репрезентации в семантическом пространстве русского языка // *Политическая лингвистика*. 2017. № 6. С. 223—229. Barabash O. V. (2017) The Concept of «Corruption» and Its Representations in the Semantic Space of the Russian Language. *Political Linguistics*. No. 6. P. 223—229. (In Russ.)
  3. Баранов А. Н. Феномен коррупции в метафорах двух дискурсов // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции Диалог—2005, Звенигород, 1—6 июня 2005 / отв. ред. И. М. Кобозева и др. Звенигород: ИПИ РАН, 2005. С. 25—30.* Baranov A. N. (2005) Understanding of Corruption through Metaphors in Two Different Discourses. In: Kobozev I. M. et al. (eds.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference Dialog—2005, Zvenigorod, June 1—6, 2005*. Zvenigorod: IIP RAS. P. 25—30. (In Russ.)
  4. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. Baranov A. N., Kazakevich E. G. (1991) *Parliamentary Debates: Traditions and Innovations*. Moscow: Znanie. (In Russ.)
  5. Баранов В. М., Кабанов П. А. Коррупция в политико-правовом ракурсе. Рецензия на учебник «Государственная антикоррупционная политика» / под ред. Р. А. Абрамова и Р. Т. Мухаева (М., 2017. 429 с.) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2017. № 2. С. 183—187. Baranov V. M., Kabanov P. A. (2017) Corruption in the Political and Legal Perspective. Review on the Textbook: Abramov R. A., Mukhaev R. T. (eds.) *State Anti-Corruption Policy*. Moscow, 2017. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Vol. 38. No. 2. P. 183—187. (In Russ.)
  6. Воронин М. Ю., Моисеенко Л. В., Викулина М. А. Некоторые особенности стереотипизации негативных аспектов образа власти // *Социально-политические науки*. 2020. Т. 10. № 5. С. 13—19. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-5-13-19>. Voronin M. Yu., Moiseenko L. V., Vikulina M. A. (2020) Some Specific Features of Stereotypization of Negative Aspects of the Authorities' Image. *Sociopolitical Sciences*. Vol. 10. No. 5. P. 13—19. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-5-13-19>. (In Russ.)
  7. Гостева Ж. Е. Картина политического мира и дискурс политической коммуникации // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012. Т. 70. № 6. С. 40—42. Gosteva J. E. (2012) Political World Picture and Political Communication Discourse. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. Vol. 70. No. 6. P. 40—42. (In Russ.)

8. Гуань Ц. Лингвистический анализ концепта «коррупция» в политическом дискурсе русского языка // *Litera*. 2023. № 6. С. 265—273. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.6.40916>.
Guan Qi. (2023) Linguistic Analysis of the Concept of Corruption in the Russian Political Discourse. *Litera*. No. 6. P. 265—273. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.6.40916>. (In Russ.)
9. Зотов В. В., Губанов А. В. Социальные медиа как диалоговые площадки граждан и органов власти субъектов центрального федерального округа // *Цифровая социология*. 2021. Т. 4. № 4. С. 28—39. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-28-39>.
Zotov V. V., Gubanov A. V. (2021) Social Media as Dialogue Platforms for Citizens and Authorities of the Subjects of the Central Federal District's Entities. *Digital Sociology*. Vol. 4. No. 4. P. 28—39. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-28-39>. (In Russ.)
10. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
Jorgensen M. V., Phillips L. J. (2008) *Discourse Analysis. Theory and Method*. Kharkiv: Humanitarian Center. (In Russ.)
11. Каримова Т. С. Особенности лингвистической экспертизы текстов диалогов по антикоррупционным делам // *Полицейская деятельность*. 2024. № 1. С. 1—15. <https://doi.org/10.7256/2454-0692.2024.1.69818>.
Karimova T. S. (2024) Features of Linguistic Expertise of Texts of Dialogues on Anti-Corruption Cases. *Police Activity*. No. 1. P. 1—15. <https://doi.org/10.7256/2454-0692.2024.1.69818>. (In Russ.)
12. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ; CORPUS, 2019.
Krongauz M. A. (2019) *The Russian Language is on the Verge of a Nervous Breakdown*. Moscow: AST; CORPUS. (In Russ.)
13. Крылова Д. В., Максименко А. А. Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор международного опыта // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2021. № 84. С. 241—255. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-241-255>.
Krylova D. V., Maksimenko A. A. (2021) Using Artificial Intelligence in Corruption Discernment and Counteraction: International Experience Review. *Public Administration. Electronic Bulletin*. No. 84. P. 241—255. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-241-255>. (In Russ.)
14. Крюков И. А. Смысловое наполнение концепта «бизнес» и его репрезентация в русском языке на современном этапе: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2012.
Kryukov I. A. (2012) *Semantic Content of the Concept "Business" and Its Representation in the Russian Language at the Present Stage*. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Philological Science. Nizhny Novgorod. (In Russ.)

15. Леонтьева Э. О. Повседневные коммуникации и укорененность коррупции в неформальном пространстве вуза // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 43—48.
Leontieva E. O. (2009) Daily Communications and Corruption in University's Informal Space. *Tomsk State University Journal*. No. 325. P. 43—48. (In Russ.)
16. Людкевич Ю. Н., Афаунов А. З., Татлок А. К. Специфика и динамика сообщений, упоминающих преступления коррупционной направленности (по результатам анализа социальных сетей с 01.03.2020 по 01.05.2020) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6. С. 154—158.
Lyudkevich Y. N., Afaunov A. Z., Tatlock A. K. (2020) Specificity and Dynamics of Messages Mentioning Corruption-Related Crimes (Based on the Analysis of Social Networks from 01.03.2020 to 01.05.2020). *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. Vol. 6. P. 154—158. (In Russ.)
17. Макаров В. И. «Договоримся», или об одной языковой маске взяточничества // Ученые записки НовГУ. 2023. № 6. С. 711—719.
Makarov V. I. (2023) “Let’s Make a Deal”, Or About a Linguistic Mask of Bribery. *Memoirs of NovSU*. Vol. 51. No. 6. P. 711—719. (In Russ.)
18. Максименко А. А., Зайцев А. В., Дейнека О. С., Зябликов А. В., Ахунзянова Ф. Т. Оценка населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов в интернет-диалоге «власть — общество» // Регионоведение. 2024. Т. 32. № 2. С. 217—241. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.217-241>.
Maksimenko A. A., Zaitsev A. V., Deyneka O. S., Zyablikov A. V., Akhunzyanova F. T. (2024) Assessment by the Population of the Effectiveness of Digital Communication of Heads of Regions in the Internet Dialogue “Power – Society”. *Russian Journal of Regional Studies*. Vol. 32. No. 2. P. 217—241. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.217-241>. (In Russ.)
19. Максименко А. А., Крылова Д. В. Социальные сети как источник информации об отношении россиян к коррупции // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 1. С. 69—79. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.1.9>.
Maksimenko A. A., Krylova D. V. (2023) Social Media as a Source of Information about the Attitudes of Russians towards Corruption. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. No. 1. P. 69—79. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.1.9>. (In Russ.)
20. Прокофьева А. В. Развитие дискурса интернет-пространства на современном этапе и особенности его языковой организации // Вопросы современной лингвистики. 2017. № 5. С. 85—96. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2017-5-85-96>.
Prokofieva A. V. (2017) The Present Stage of Development and Language Structure Organisation of the Internet Discourse. *Key Issues of Contemporary Linguistics*. No. 5. P. 85—96. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2017-5-85-96>. (In Russ.)
21. Савельева И. В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсоналогический аспекты моделирования: дисс. ... докт. филол. наук. Кемерово, 2022.

- Savelyeva I. V. (2022) Non-Professional Political Discourse as a New Communicative Phenomenon: Linguopragmatic and Linguopersonological Aspects of Modeling. Dissertation of the Doctor of Science in Philology. Kemerovo. (In Russ.)
22. Skorobogatov A. V., Skorobogatova A. I., Krasnov A. V. Дискурс коррупции в российском обществе // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15. № 4. С. 751—764. <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.751-764>.
Skorobogatov A. V., Skorobogatova A. I., Krasnov A. V. (2021) Discourse of Corruption in the Russian Society. *Russian Journal of Economics and Law*. Vol. 15. No. 4. P. 751—764. <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.751-764>. (In Russ.)
23. Смирнов И. В. Интеллектуальный анализ текстов на основе методов разноуровневой обработки естественного языка. М.: ФИЦ ИУ РАН, 2023.
Smirnov I. V. (2023) Intelligent Text Analysis Based on Multi-Level Natural Language Processing Methods. Moscow: Federal Research Center “Computer Science and Control” of the RAS. (In Russ.)
24. Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», 2016.
Kozhemyakin E. A., Polonskyi A. V. (eds.) (2016) Modern Discourse Analysis: Agenda, Problems, Prospects. Belgorod: “Belgorod”. (In Russ.)
25. Трыканова С. А. Теоретико-прикладной дискурс к определению понятия коррупция // *Образование и право*. 2022. № 2. С. 167—172.
Trykanova S. A. (2022) Theoretical and Applied Discourse on the Definition of Corruption. *Education and Law*. No. 2. P. 167—172. (In Russ.)
26. Чудова И. А. Нормативное воздействие СМИ: изучение радиодialogов // Современный дискурс-анализ. 2010. № 2. С. 4—24.
Chudova I. A. (2010) Normative Impact of Mass Media: The Study of Radio Talks. *Modern Discourse Analysis*. No. 2. P. 4—24. (In Russ.)
27. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
Sheigal E. I. (2004) Semiotics of Political Discourse. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
28. Fairclough N. (2018) *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Routledge.
29. Jäger S., Maier F. (2009) Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis. In: Wodak R., Meyer M. (eds.) *Methods of Critical Discourse Analysis*. P. 34—61. London: Sage.
30. Smirnov I., Stankevich M., Kuznetsova Y., Suvorova M., Larionov D., Nikitina E., Grigoriev O. (2021) TITANIS: A Tool for Intelligent Text Analysis in Social Media. In: S. M. Kovalev, S. O. Kuznetsov, A. I. Panov (eds.) *Artificial Intelligence: 19th Russian Conference, RCAI 2021, Taganrog, Russia, October 11—16, 2021, Proceedings* 19. P. 232—247. Cham Springer.
31. Van Dijk T. A. (2011) *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. London: Sage.